

Когда полиция постучала в дверь, Линь Сань дрых без задних ног в своей гримерке. Прошлая ночь была просто безумной: одних только башен из шампанского выстроили две штуки. И хотя Линь Сань хвалился, что его и ведром водки не свалишь, после поочередного вливания крепкого и пива организм все-таки сдал позиции.

— Брат Сань, Брат Сань, проснись! — кто-то изо всех сил тряс его за плечо.

Когда Линь Сань с трудом разлепил веки, он увидел перед собой Сяо Цэня, администратора. Тот заправлял всеми официантами в «Красной романтике».

— Что стряслось? — нахмурившись, спросил Линь Сань.

Лицо Сяо Цэня было бледным: — Полиция пришла.

Линь Сань: — Облава на «ночных бабочек»?

Сяо Цэнь вздохнул, подумав про себя: «Если бы только облава...»

— С Линдой беда. Полиция снаружи, опрашивают всех по очереди.

Хмель из Линь Саня выветрился мгновенно. Он рывком сел на диване и, насупившись, спросил: — Я же помню, она взяла отгул на пару дней, чтобы дома за ребенком присматривать. Что случилось?

Сяо Цэнь тяжело вздохнул и с похоронным видом выдал:

— Линда мертва.

«Сегодня в девять утра пострадавшая Чжоу Сяньэ была обнаружена мертвой в собственном доме. Предварительная версия — убийство из мести». Полицейский спросил:

— Были ли у Чжоу Сяньэ враги?

Линь Сань покачал головой, ответив, что не знает. То, что Линду на самом деле звали Чжоу Сяньэ, он сегодня услышал впервые.

— А как же Кэинь? Я имею в виду ребенка погибшей, что с ней?

Полицейский ответил, что девочка в состоянии тяжелейшего шока, её отправили в больницу.

— В смысле? — Линь Сань похолодел.

— В прямом. Когда убийца расправлялся с матерью, ребенок был на месте. К сожалению...

К сожалению, от ужаса девочка впала в психологический ступор и теперь вообще ни на какие вопросы не отвечает.

Смерть Линды потрясла Линь Саня и весь коллектив «Красной романтики». В кулуарах шептались о чем угодно: сплетни рождались одна страшнее и нелепее другой. Спустя несколько дней, то ли Хуан Кэинь что-то смогла рассказать, то ли полиция нашла важные улики, но подозреваемого установили.

Ко всеобщему удивлению, преступником оказался муж Линды. Точнее — бывший муж.

Оказалось, этот тип неоднократно избивал Чжоу Сяньэ. Она не выдержала, забрала дочку и тайно сбежала. Пытаясь выжить, она сменила несколько городов и в итоге осела в Жунчэне под именем Линда. Очевидно, что хоть она и скрылась, её помешанный на домашнем насилии бывший не собирался её отпускать...

Вспомнив, как Линда без колебаний отказалась сниматься в рекламе, Линь Сань всё понял. Она боялась, что её увидят по телевизору.

Когда личность преступника установили, оставалось только задержать его.

И тут — очередной поворот. При задержании подозреваемый оказал яростное сопротивление. Поскольку он ранил полицейского, его застрелили на месте. Узнав об этом, Линь Сань почувствовал мрачное удовлетворение: такие звери не заслуживают жизни, даже если их убить десять тысяч раз.

Вторая больница Жунчэна. Линь Сань смотрел через окошко в двери палаты на маленькую Кэинь.

Несчастный ребенок, на чьих глазах убили мать, получил колоссальную психическую травму. Прежняя Кэинь — веселая, озорная, не по годам смышленная — исчезла. Теперь она лишь сидела, свернувшись калачиком в углу кровати, как беззащитный ежик, лишившийся иголок.

— И что теперь будет с этим ребенком — ума не приложу, — тяжело вздохнул дежуривший у двери молодой полицейский, присматривавший за ней.

Линь Сань машинально протянул ему сигарету. Полицейский махнул рукой, мол, не курю, и Линь Сань спросил:

— А что происходит?

— Вчера из родного города приехала мать подозреваемого, Хуан Ихэо, чтобы забрать тело сына, — от полицейского Линь Сань узнал немало подробностей.

Оказалось, Хуан Ихэо родился в семье, где патологически почитали сыновей и ни во что не ставили дочерей. У него было пять старших сестер. Как единственный сын и младший ребенок, он с пеленок купался в безграничной любви и потакании родителей. Неудивительно, что парень вырос гнилым: снаружи лоск, а внутри — эгоистичный, лживый садист, привыкший обижать слабых.

— Узнав, что её «сокровище» убил человека, мать Хуан Ихэо не только не признала вину сына, но и заявила, что во всем виновата жертва. Она орет на каждом углу, что погибшая была распутной девкой, выманила у сына деньги и любовь, и вообще — довела беднягу Хуана до ручки... — Полицейский не стал продолжать, уж слишком грязные слова вылетали из пасти той старухи.

— Но самое главное: она четко дала понять, что ни за что не возьмет Хуан Кэинь на воспитание.

Линь Сань горько усмехнулся:

— Ну еще бы. Это же внучка, а не внук!

— Вот именно. Эх... Отец убил мать, бабка отказывается забирать, дедов по материнской линии в живых нет, а теткам она и даром не нужна, — полицейский затанулся тяжким вздохом. — Сплошное проклятие, а не жизнь!

Похоже, у Хуан Кэинь оставался только один путь — в детский дом.

И не стоит даже заикаться о законе и принудительном опекунстве — отдавать ребенка такой женщине, как мать Хуана, было бы даже хуже, чем в детдом.

Линь Сань глубоко вздохнул, постучал в дверь и вошел.

— Инь-инь? — Линь Сань тихими шагами подошел к девочке, присел на корточки и протянул ей плюшевого мишку. — Помнишь, кто я? Это дядя Линь. Твой кумир, самый четкий мужик во всей «Романтике». Мы же с тобой договаривались: когда ты подрастешь, я сделаю тебя главной героиней в своей рекламе.

Хуан Кэинь вздрогнула и медленно, словно в тумане, подняла голову от колен.

— Дядя... Линь?

— Да, это я.

Хуан Кэинь долго и заворуженно смотрела на Линь Саня, и вдруг, сорвавшись, бросилась к нему в объятия, заливаясь горькими слезами.

— Мама... Мама заперла меня в шкафу.

Линь Сань нахмурился, слушая её сбивчивый шепот.

— Тот зверь ворвался, бил маму, душил её... Он бил её головой о стену, снова и снова...

На самом деле, окончательной причиной смерти Линды стал перелом костей черепа. Стать свидетелем гибели собственной матери для семилетней девочки было испытанием за гранью человеческих сил. Линь Сань не знал, какими словами её утешить, поэтому просто тихонько гладил ребенка по спине.

— Всё хорошо, всё уже позади. Злодей наказан. Твоя мама теперь смотрит на тебя с небес, она может покоиться с миром, — Линь Сань обнимал ребенка, на мгновение задумавшись, а затем произнес: — Если тебе совсем некуда идти, будь моей дочкой. Отныне я буду тебя растить.

Это не было импульсивным решением на эмоциях — Линь Сань всё обдумал. Конечно, это было лишь его предложение, последнее слово оставалось за самой Кэинь.

Итог — девочка зарыдала еще громче, но её ручонки вцепились в одежду Линь Саня мертвой хваткой.

С юридической точки зрения у Линь Саня, конечно, не было прав на удочерение, но загвоздка заключалась в том, что, кроме него, желающих не нашлось. Мать Хуан Ихао, забрав тело сына, пулей вылетела из Жунчэна. Перед уходом она еще и пригрозила: мол, если полиция попытается навязать ей девчонку, она тут же скормит ей крысиный яд — лучше пусть сдохнет, чем она её возьмет.

Как говорится, «пока нет истца, нет и дела».

Раз уж Линь Сань вызвался добровольцем присмотреть за ребенком, а девочка сама к нему тянулась, в полиции решили просто закрыть на это глаза. Через полмесяца Кэинь выписали, и Линь Сань на своем пафосном мотоцикле привез её домой.

Линь Сань снимал одноэтажный дом с небольшим двориком. Места было много — целых четыре комнаты, а двор зарос бугенвиллеей. Когда весной и летом она зацветает, вид становится просто сказочным.

Линь Сань с ревом пригнал мотоцикл к дому. У входа их уже ждали Ван Яо и Цинь Чжи.

— Это мой старший сын, теперь он твой брат. — А это Кэинь, теперь она твоя сестра.

Линь Сань по-деловому быстро провел знакомство.

Линь Сань уже ввел Ван Яо в курс дела, так что добрый парень всем сердцем сочувствовал маленькой девочке, пережившей такой кошмар. Он сам подошел к Кэинь, протянул руки и мягко улыбнулся:

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату?

Малышка заколебалась, но в конце концов пошла за ним.

Глядя на эту сцену, Линь Сань довольно ухмыльнулся:

— Тек-с, ну вылитый я. Сразу видно — душа нараспашку.

Цинь Чжи, таскавший вещи, при этих словах поджал губы. Он не решился сказать Линь Саню, что А-Яо втихаря подозревал: девчонка — его внебрачная дочь. «В конце концов, мой папаша не в первый раз такие кренделя выписывает», — язвил А-Яо, когда они обсуждали это наедине.

Кхм... впрочем, дяде Линю об этом лучше не знать.

Линь Сань наскоро прибрался и заступил на вахту в кухню. Примерно через два часа стол был заставлен дымящейся домашней едой: лоснящийся соевый творог (тофу) с зеленым луком, свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, посыпанные кунжутом, яркий омлет с помидорами, курица с сычуаньским перцем «тэнцзяо», а на десерт — батат в карамели и суп с креветочными клецками и водорослями.

Линь Сань налил себе стопку белой водки, а детям открыл фруктовую газировку.

— Ешьте больше, — сказал он. — Вы дома, не стесняйтесь.

-
- Имя: Хуан Кэинь
 - Состояние здоровья: Пограничное (субздоровье)
 - Таланты: Актерское мастерство (18%), Внешность (18%), Учеба (10%)
 - Отношения с хостом: Приемная дочь

- Уровень близости: 30%. Она безмерно тебе благодарна и считает единственным близким человеком.
- Доступные очки: 50

Поздним вечером, лежа в постели, Линь Сань смотрел на парящую перед глазами световую панель, и на его лице расплылась довольная улыбка.

Значит, приемные дети тоже считаются за своих!

<http://bllate.org/book/16514/1501386>